

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИТОВСКОЙ НАДПИСИ

Ситовская наскальная надпись, найденная более 60 лет назад в Родобах (Болгария), вызвала к жизни немало смелых гипотез и оригинальных толкований. Ни те, ни другие, однако, обычно не попадали на страницы специальных изданий, так как на протяжении десятилетий к надписи сохранялось настороженное отношение; многие столичные болгарские археологи придерживались мнения, что Ситовская надпись — подделка либо цепочка естественных трещин на поверхности скалы. Но поскольку вопрос о дешифровке надписи время от времени вновь вставал, то, чтобы его окончательно закрыть, летом 1988 г. по рекомендации Болгарской Академии наук была организована экспедиция, в которую вошли болгарские археологи и эпиграфисты, геологи и геодезисты, представители Комитета по делам культуры и некоторые другие специалисты¹. Результатом работы экспедиции было признание того, что «Ситовская надпись» представляет собой случайные трещины на камне, которые были умышленно «доработаны» каким-то местным патриотом, пожелавшим покрыть славой свое селение, небогатое на исторические памятники (L'inscription; p. 133, 139). Основные аргументы в пользу этой точки зрения, приводимые авторами отчетных публикаций (см. прим. 1), сводятся к следующему: 1) знаки на протяжении «надписи» якобы не повторяются, не отделены один от другого (L'inscription, p. 132, 136); 2) они, по мнению авторов, не похожи на знаки других надписей, обнаруженных на территории Болгарии, поэтому их дешифровка невозможна (L'origine, p. 145); 3) поверхность, на которой обнаружены знаки, является естественным образованием; как заключают, не приводя каких-либо доказательств, авторы одного из отчетов, это «вертикальный разлом, относительно гладкий» (L'origine, p. 144); 4) обследование трещин на камне, проведенное в радиусе 15 м от надписи, показало, что расположение групп трещин на Ситовском памятнике находит аналогии с группами трещин на других скалах; это, как считают авторы, свидетельствует о их синхронном происхождении, датируемом временем эоцена (L'origine; p. 144—145), т.е. средней эпохой палеогена — первого периода кайнозойской эры.

При внимательном ознакомлении с опубликованными результатами работы экспедиции возникают вопросы, вызванные в одних случаях несоответствием заключений авторов действительности (см. ниже), в других — несогласованностью выводов участников экспедиции, например, в оценке возраста трещин Ситовского памятника, датируемых то 1928 г. н.э. (L'inscription, p. 139), то эпохой эоцена (см. выше). Все это, а также ряд неточностей при подаче материала (многих из которых удалось бы избежать при более активном сотрудничестве с эпиграфистами)² заставляет нас, несмотря на категорическое, хотя и не подтверждаемое опубликованными материалами заявление о том, что благодаря работе экспедиции «была разрушена иллюзия, длившаяся 60 лет» (L'inscription, p. 140), еще раз

¹ См. краткие отчеты об экспедиции: *Gérassimova-Tomova V.* L'insctiption de Sitovo // LB. 1989. XXXII, 2. P. 131—141 (далее — L'inscription; *Bonev K., Vanguelov D., Tzontcheva-Boneva A.* L'origine de l'inscription de Sitovo-considerations géologiques et structurales // Ibid. P. 141—146 (далее — L'origine).

² Например, на с. 133 старофригийская надпись из Гордиона G-145 обозначена как надпись из Центральной Фригии (С-145); в приведенной прописи этой надписи вместо одного знака (восьмого слева) произвольно изображен другой; перепутаны подписи под рис. 9 и 10 на с. 136, и т.п.

вернуться к Ситовской надписи, которая, как будет видно из настоящей статьи, поднимает проблемы, далеко выходящие за эпиграфические рамки³.

Сведения о находке Ситовского памятника изложены вкратце его издателями — А. Пеевым и Зл. Ракевой-Морфовой⁴, более подробно — археологом В. Герасимовой-Томовой (*L'inscription*, p. 131), а также некоторыми другими авторами, предлагавшими свое чтение и дешифровку надписи⁵. Но поскольку на основании одних и тех же фактов авторы приходят к совершенно различным выводам, нам показалось целесообразным еще раз обратиться к тому, что известно о самом памятнике и обстоятельствах его обнаружения, тем более что в этой истории достаточно много загадок.

После Пловдивского землетрясения 1928 г. лесники обнаружили в 3 км к северо-западу от дер. Ситово (в 30 км от Пловдива) загадочные знаки на скале. Они сообщали об этом местному учителю А. Божилову, который, посчитав себя некомпетентным в области эпиграфики, обратился к известному пловдивскому адвокату д-ру Ал. Пееву, возглавлявшему местное археологическое общество. В. Герасимова-Томова находит странным, что учитель не обратился в археологические музеи Пловдива или Софии (*L'inscription*, p. 131), однако это можно объяснить самыми простыми причинами, в том числе и личного свойства. Нам же представляется странным другое: почему со времени первой публикации надписи Ал. Пеевым в 1929 г. и до ее републикации Зл. Ракевой-Морфовой в 1950 г. ни Пловдивский, ни Софийский археологические музеи не проявили к памятнику никакого интереса? Если подлинность надписи с самого начала вызывали сомнения, то было бы достаточно небольшой экспедиции, чтобы в том же 1928 г. развенчать фильсификаторов, тем более что никакой специальной техники, судя по отчету геологов (*L'origine*, p. 142), для этого не требуется.

Еще одна загадка связана с братьями Х. и К. Шкорпилами, которые в конце прошлого века обследовали Родопы, включая район дер. Ситово, в частности, на предмет изучения карстовых явлений. В их общей работе⁶ приведена, среди прочего, карта деревни и ее окрестностей, но о Ситовском памятнике не сообщается. Это, по мнению В. Герасимовой-Томовой (*L'inscription*, p. 131), может говорить лишь о том, что в то время, когда Шкорпилы составляли свою документацию, надписи еще не существовало. Однако, если верить геологам, относящим знаки на Ситовском памятнике к кайнозойской эре, то совершенно необъяснимо, как Шкорпилы могли не заметить знаки на скале, которые даже без «доработки» должны были резко выделяться на фоне скальной поверхности. Для ответа на этот вопрос в принципе неважно, когда появились эти знаки — 2 млн. или 200 лет назад. Остаться незамеченными для Шкорпилов знаки могли в одном из двух случаев: либо, как полагает В. Герасимова, надпись появилась несколько десятилетий спустя, либо, что нам представляется по ряду обстоятельств более вероятным, до землетрясения 1928 г. она была естественным образом скрыта от постороннего взгляда. Насколько обоснованно

³ Изучение Ситовского памятника и работа с надписью оказались возможными благодаря помощи наших болгарских коллег. Мы выражаем особую признательность проф. И. Венедикову и сотруднику Софийского Национального музея Е. Пенковой, обративших наше внимание на эту надпись, М. Василевой и Д. Василеву, которые сделали все возможное, чтобы мы смогли обследовать надпись *in situ*, жительнице дер. Ситово А. Асеновой-Алексевой, указавшей местонахождение надписи, сотруднику Пловдивского Национального археологического музея С. Черновой, а также Д. Златевой — родственнице первооткрывателя надписи, учителя из дер. Ситово, которая сообщила интересные подробности, касающиеся находки памятника.

⁴ См. Пеев Ал. Новотроит надпис в Родопите // Известия на Българския Археологически Институт. 1928/1929. Т. V. С. 363—365; Ракева-Морфова Зл. Надписът при Ситово // Годишник на Народния Археологически музей. Пловдив, 1950. Т. II. С. 242—245; *Rakeva-Morfova Zl. Une inscription d'origine inconnue de Thrace* // LB. 1972. XVI. I. P. 49 s.

⁵ См. сб.: Тайните на вековете. София, 1982. С. 22. слл.

⁶ Шкорпил Х., Шкорпил К. Кражки явления. Пловдив, 1900. С. 25—28.

то ли иное предположение — может показать детальное описание памятника и его местонахождения.

Последние километры дороги от Пловдива до Ситова проходят по узкому шоссе, по правую сторону которого — обрыв. Внизу протекает небольшая речка; за ней, почти напротив Ситовского памятника — остатки святилища, упоминаемого издателями надписи⁷. По другую сторону шоссе — крутой поросший деревьями склон горы с выходящими местами на поверхность скальными породами. В одном из таких мест, на высоте около 50 м от шоссе, находится небольшая площадка длиной не более 2 м и шириной менее метра. Площадка расположена перед огромными каменными блоками. На крайнем справа блоке, имеющем массивный неширокий «козырек» в виде каменного монолита, нанесена большая часть Ситовской надписи. От блока слева, на котором обнаружены последние несколько знаков, его отделяет глубокая, суживающаяся кверху трещина, внизу переходящая в невысокую нишу. Фактически правый и левый блоки представляют собой части одной скальной поверхности. Перед левой частью, почти вплотную к ней, так что с трудом может пройти только рука, стоит еще один каменный блок, закрывающий доступ к тем нескольким знакам, которые на нем находятся. Этот блок, соскользнувший на площадку, видимо, во время одного из давних землетрясений (нередких в этих краях, по словам местных жителей), занимает почти всю ширину площадки перед левой частью памятника. Площадка перед правой частью в настоящее время свободна, однако на ней также мог лежать каменный блок, скрывавший надпись и скатившийся при землетрясении 1928 г.: размеры площадки таковы, что при колебаниях земной поверхности на ней едва ли что-то могло бы удержаться⁸.

На правом блоке, на расстоянии примерно 20 см от «козырька» и на высоте 2 м от земли, по грубой, неровной скальной поверхности проходит тщательно отшлифованная горизонтальная полоса длиной 280 см и высотой ок. 40 см, на которой находятся знаки. Полоса продолжается на левом блоке (90×30 см). Все сооружение напоминает распространенные в Малой Азии скальные святилища с надписями⁹.

Поскольку фотографии фрагментов Ситовского памятника и эстампажи надписи уже опубликованы (см. выше, прим. 1, 4), мы ограничимся сделанной нами *in situ* прорисью. По техническим причинам первая часть надписи, расположенная на правом блоке (знаки 1—49), разделена на две части (см. рис. 1). Направление обеих строк надписи — слева направо. Знаки нанесены достаточно небрежно, нередко лигатуры (см. ниже). Палеографический анализ позволил выявить значительную близость, а во многих случаях и тождественность знаков Ситовской надписи и бытовавших в Малой Азии I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. Как видно из сопоставительной таблицы (см. рис. 2), ситовские знаки в большинстве своем сходны со знаками старофригийских надписей VII—IV вв. до н.э. — 10 случаев из 14, еще в двух — с новофригийскими (первые века I тыс. н.э.) и лишь в двух находят параллели за пределами фригийского ареала — в ликийском (вторая половина I тыс. до н.э.)¹⁰. По манере начертания знаков

⁷ Д. Златева сообщила нам, что по рассказу ее прадеда, учителя А. Божилова, еще до обнаружения Ситовского памятника он вместе с одним из жителей дер. Ситово нашел в этом святилище несколько глиняных черепков с непонятными знаками. Не придав им значения, он перед тем как подняться в горы выбросил их в речку. Хотя достоверность этого рассказа проверить невозможно, однако находки такого рода — не редкость как на Балканах, так и в соседних регионах.

⁸ Размерами площадки объясняется отсутствие фотографий общего вида памятника: максимально возможное удаление от скалы позволяет захватить в объектив лишь часть ее поверхности.

⁹ Ср., в частности, *Haspels E. The Highlands of Phrygia. Princeton, 1971; Brixhe C., Lejeune M. Corpus des inscriptions paléo-phrygiennes. T. II. P., 1984. Pl. 1 suiv.*

¹⁰ Немаловажно, что между фригийским и ликийскими языками существует ряд грамматических сходжений, на которые нам уже приходилось указывать (*Баюн Л.С., Орел В.Э. Фригийско-анаатолийские языковые отношения // Палеобалканистика и античность. М., 1989.*

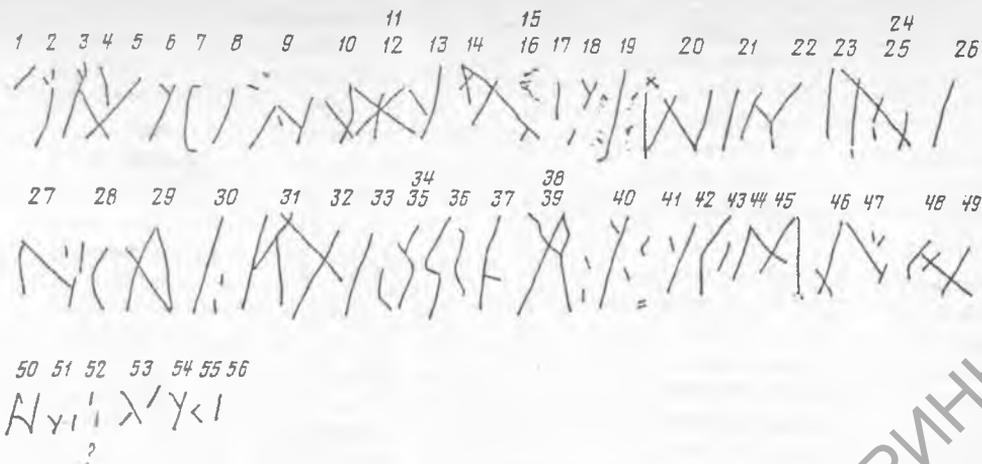

Рис. 1. Надпись из Ситово. Прорисовка

ситовский памятник очень напоминает старофригийские наскальные надписи типа M-01d (VII в. до н.э., см. рис. 3)¹¹.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ СИТОВСКОЙ НАДПИСИ

(I) 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21
e i v i x u s i n v i x u i p t i u i m i

22 23 24 25 26 27 28 29 30 : 31 32 33 34 35 36 37 38
n i p t i n s a i k u i o i 8 a x

39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49
i u e i s i m i n Z i

(II) 50 51 52 53 54 55 56
n u i x u s i

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

I/1: знак, состоящий из двух черточек, расположенных под углом одна к другой, встречается дважды (см. I/41). Сходен с лик. I - е за вычетом вертикальной черты, отсутствующей в ситовском знаке.

I/4—5: лигатура ix (с йотой, вписанной в знак x, ср. I/11—12). Существенно, что вписывание йоты в другие знаки характерно главным образом для фригийской эпиграфики (ср. G-113, P-106, Brixhe—Lejeune, 1984:106, 250). Знак x, судя по всему, находится в дополнительной дистрибуции к знаку k, появляясь только в интервокальной позиции. Ср. аналогичную функцию ст.-фриг. Ψ-x в daΨet 'он устанавливает, установит'.

I/10: знак v, отличающийся от v в I/3 несколько более крупными размерами отходящих влево черточек. Интересно, что оба знака для v (как и u I/2, II/51, 54) повернуты влево, хотя вся надпись ориентирована слева направо. Случай

¹¹ Ссылка на старофригийские надписи дается в системе нотации Брикса—Лежена; новофригийские отмечаются индексом N.

Предполагае- мое фонети- ческое значе- ние	Ситово	Фригийский	Малоазийские алфавиты
a	Λ	Λ	
à	Λ <		↑ Лук. e
b	β	β β	β Лид. f
k	κ	κ	
m	Μ W	Μ Μ	
n	Ν Ν	Ν	
p	π	π Н.-фриг.	
s	σ σ	σ σ Н.-фриг.	
t	τ τ	τ τ	
z	ζ	ζ	ζ Аид. [ts]
u	υ	υ	
υ	ϋ ϋ	ϋ	
i	ι	ι	ι Лид.
χ	χ		χ Лук. [kh]

Рис. 2. Сопоставление знаков Ситовской надписи со знаками хронологически близких малоазийских алфавитов

противоположной ориентации знаков типа u нередки в старофригийском, ср. M-01c, W-10 и др. (Brixhe, Lejeune, 1984; p. 12,55 et passim).

I/14—16: лигатура ipr, в которой вертикальная йота пересекает левую «ножку» знака p. В лигатуре pr знаки p и r имеют общую горизонтально-наклонную черту, ср. сходную лигатуру pr в I/24—25. Ломаная линия над правой частью лигатуры образована трещиной на камне.

Рис. 3. Старофригийская наскальная надпись М-01 (по Бриксу — Лежену)

I/19: вокруг йоты несколько трещин.

I/20: перевернутый знак *m*, ср. I/45. Такого рода написания хорошо известны: в старофригийских надписях как целые строки, так и отдельные знаки могли поворачиваться на 180°, ср. плиту из Гордиона G-01 (VI в. до н.э.)¹².

I/30-31: две черточки между знаками 30 и 31 не являются случайными царапинами. Вероятно, это знак интерпункции.

I/34—35: лигатура *oi*. Ромбовидное *o* хорошо известно по старофригийским надписям из Западной Фригии, Гордиона и др.

I/36: знак, напоминающий ромбовидную «восьмерку», может быть отождествлен с ст.-фриг. 8, выступающим в качестве графического варианта *b* в надписи из Западной Фригии W-08 и в двух надписях из Птерии (см. особенно P-101: Brixhe, Lejeune, p. 52, 244, 250), ср. еще лид. 8-f.

I/37: знак *a* с несохранившейся правой частью.

I/38—39: лигатура *xi*, структурно отличающаяся от *ix* (см. I/4—5, 11—12).

I/46—47: лигатура *in*; йота пересекает левую несколько наклонную ножку *n*, ср. аналогичное написание йоты в I/14.

I/48—49: лигатура *zi*. Знак в старофригийском используется для передачи зубного спиранта (*zʷ*), ср. надпись из Гордиона G-106 (Brixhe, Lejeune, p. 101; Баюн, Орел, 1989, с. 148).

II/52: возможно, йота со случайными царапинами внизу. В то же время знак напоминает кар. *e*. Идентификация затруднительна из-за отсутствия непосредственного доступа к знаку.

В результате палеографического анализа можно заключить, что Ситовская надпись представляет собой связный текст, содержащий 56 знаков, из которых разных — 14¹³.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАДПИСИ

При интерпретации надписи и, в частности, на первой стадии — при сегментации текста на слова мы исходили из нескольких предварительных допущений, отчасти подтверждаемых проведенным выше анализом, отчасти соображениями прагмати-

¹² О сходных явлениях в хронологически и территориально близкой эпиграфике см. Pulgram E. *The Prae-Italic dialects of Italy*. L., 1958.

¹³ Соотношение между общим количеством знаков надписи и числом разных знаков (4:1) в тексте такой длины совершенно обычно для алфавитных письменностей и делает маловероятным предположение о фальсификации надписи дилетантом.

ческого характера. 1. Текст выполнен алфавитным письмом, причем подавляющее большинство знаков находит аналогии во фригийском ареале. 2. Язык надписи — индоевропейский, о чем говорят как объективно вычленяемые сегменты (например, заключительная форма *ixusi*), так и отсутствие реальных свидетельств о неиндоевропейских языках I тыс. до н.э. на северо-востоке Балкан. 3. В содержательном отношении надпись совершенно определенно связана с нишей, имевшей, судя по аналогиям, культовое назначение.

Очевидно, что для текста такой длины в принципе возможно множество произвольных разбиений на значимые сегменты. Однако исходя из комбинаторного анализа повторяемости знаков и их групп, скоплений гласных/согласных наиболее вероятно деление надписи на слова следующим образом:

(I) *ei vixusin vixu iptiu imin iptin sai ku ioi 8axiu eis imin*
Zi(II)n *ixusi*

ei — частица, ср. ст.-фриг. *ae* (M-OIf), *ai* (P-06), н.фриг. *ai*, *ei* (N-18, -53, 62, -64, -67). Может быть, этимологически связана с греч. *ei*, *ai* 'если; ли' (см. Баян, Орел, 1988/4, с. 142).

vixusin ~ *ixusi* — 3 л. мн.ч. наст./буд. врем. переходного глагола, который при учете некоторых регулярных фонетических изменений (интервокальный **-k->-x-*; **on>u*, см. ниже, вин. пад. ед.ч. *-u*←-on*; ассибиляция **t>s* перед *i*, ср. глагольные формы с конечными *-s* из **-ti* во фригийской надписи из Уючика¹⁴) может быть возведен к **ϕ(e)ikonti*. Конечный *-n* в *vixusin* напоминает греч. *v* ἐφέκυστικόν и новофригийский вариант флексии претерита *-g-en* (также *-r*) в дакарев/дакар 'они поставили'. Что касается значения *vixu-*, см. ниже.

vixu — вин.пад. ед.ч. существительного, предположительно восходящего к **ϕ(e)ikōN* и бесспорно связанного с предшествующим словом, с которым образует *figura etymologica* (*vixusin vixu*). Возможно, родственно греч. *εἰκόν*, *ὄνοσ*, кипр. *Ἔικὼνα* 'изображение, подобие; образ' < и.-е. **ϕeik-*, и в таком случае все сочетание можно было бы перевести как 'они сделают (букв. 'изобразят') изображение'.

iptiu — вин. пад. ед.ч. прилагательного, согласованного с *vixu* и образованного посредством суффикса **-jo-* от теонима (см. ниже).

imin — вин. пад. ед.ч. существительного, идентичного или близкого по значению к ст.-фриг. *iman*, н.-фриг. *imov*. Во фригийском этим словом обозначается любой предмет (например, стела, алтарь, статуэтка), посвящаемый божеству и приобретающий тем самым присущую божеству магическую силу. К нему могли быть обращены те же просьбы, что и к самому божеству¹⁵. Окончание вин. пад. *-in* (см. ниже *iptin*) может объясняться редукцией *-o-* перед *-n*, ср. н.-фриг. *semov/semiv/semu* 'этот', *kaikov/kakev/kaikov* 'зло'.

iptin — вин. пад. ед.ч. теонима, который использовался в Малой Азии в качестве имени *Magna Mater*: Ἰπτα, Εἰπτα¹⁶, отражающего хет. Ḫé-pít¹⁷. На

¹⁴ Bayun L., Orrel V. The 'Moesian' Inscription from Uyuçik // *Kadmos*. 1988. XXVII/2. P. 134.

¹⁵ Представляется перспективным сопоставление *iman* с хет. *himma* 'культовое подобие', опирающееся не только на формальное, но и на функциональное сходство. Ср. хет. I GIŠ GI[G]R hi-im-ma-aš i-ja-an «1 тележка в качестве культового предмета сделана», u-e-ṭa-aš-ša ŠA hi-im-ma-aš i-ja-an-za «u. (Rosenkranz: *Tablett*) из глины в качестве культового предмета сделана» (I BoT III 93 + KBo XV 21 7 ff., 9). О хет. *himma* см. *Oettinger N. Die militärischen Eide der Hethiter*. Wiesbaden, 1976. S. 61ff., и особенно: *Иванов Вяч. Вс.* Проблема происхождения и в начальном слоге в балтийском в свете этимологических данных // *Балто-славянские этно-языковые контакты*. М., 1980. С. 81 сл. Из новейших работ, касающихся фриг. *iman*, см. *Orel VI.E. Phrygian Religion and Rituals: Indo-European and Non-Indo-European Components* // *Orpheus. Journal of Indo-European, Palaeo-Balkan and Thracian Studies*, 1990. P. 107 f. Личное имя *Imav/Ецав* (*Zgusta L. Kleinasiatische Personennamen*. Prag. 1964. S. 195 f.), несомненно, надо рассматривать как вторичное явление (иначе без аргументации *Brixhe, Lejeune*, p. 125 et passim).

¹⁶ *Keil J., von Premerstein A.* Bericht über zweite Reise durch Lydien // *Denkschriften der phil.-hist. Klasse der Akad. der Wiss. in Wien*. Bd LIV. 1911. S. 169. 188; *Heubeck A.* *Lydiaka. Untersuchungen zu Schrift, Sprache und Gotternamen der Lyder*. Erlangen. 1959. S. 63.

¹⁷ Хурритское заимствование, см. *Kretschmer P.* *Mythische Namen* (17. *Hipta*) // *Glotta*. Bd. XV. 1927. S. 77.

Балканах этот теоним представлен в многочисленных фракийских составных именах типа Елта-кеνδος, Елта-Πορις и др.¹⁸ Исследование ономастики балканского и сопредельных ареалов привели Л.А. Гиндина, посвятившего этому имени специальный этюд¹⁹, к выводу о существовании фракийской (т.е. палеобалканской) теофорной основы *(H)Epta-, которая вместе с культом Μητηρ была возвращена в Малую Азию через посредство фригийцев (с. 80). К этому можно лишь добавить, что благодаря публикации старофригийских надписей Бриксом—Леженом стало известно и собственно фригийское имя богини: epta-[epta] в надписи из Гордиона G-112 (см. Баюн, Орел. ВДИ. 1988 № 1. С. 198).

sai — дат. пад. ед.ч. ж.р. указательного местоимения (и.-е. *so-, *sā), тождественного н.-фриг. sai (N-35, -39: Баюн, Орел. ВДИ. 1988. № 4. С. 152).

ku — исторически — местоименная основа (<*k^uo-), не встречается в фригийских надписях. Возможно адвербиальное значение 'когда/тогда', либо, что по синтаксическим причинам более вероятно, значение относительного местоимения 'который, кто'.

ioi — дат. пад. ед. ч. м.р. местоименной основы *i^o-, хорошо известной из фригийской эпиграфики в значении 'тот; он; кто, который', ср. ст.-фриг. uoi (B-01), н.-фриг. ioi (N-86).

8axiu — вин. пад. ед.ч. определения, образованного по той же модели, что и iptiu (см. выше): это производное с суффиксом *-i^o- от имени 8axi- или 8axo-, которое можно сопоставить со ст.-фриг. vaki, ср. надпись на антропоморфной статуэтке G-178 eumi vaki 'я емь Ваки'. Уже предлагалось сопоставление ст.-фриг. vaki с лидийским теонимом bakiva- и греч. Βακχος (Баюн, Орел. ВДИ. 1988. № 4. С. 166). Поскольку Βακх-Дионис, согласно источникам, определенным образом связан с Фригией и культурами Magna Mater (Apolloд. III. 5. 1), очень вероятно, что 8axi- в Ситовской надписи является гипотетическим эквивалентом приведенной выше серии теонимов.

eis — 3 л. ед.ч. сигматического аориста глагола со значением 'делать; посвящать (?)', ср. ст.-фриг. ais 'id' (см. выше о соотношении старофригийской частицы ai Сит. ei) в G-117 и наши комментарии в работе Баюн, Орел. ВДИ. 1988. № 1, С. 193. Форма eis относится к группе аористов на -es<-es -t типа ст.-фриг. edaes 'он посвятил', etoves 'он пожертвовал', tiyes 'он поставил, назначил', н.-фриг. edaes 'он посвятил', estaes 'он поставил'.

Zin — вин. пад. ед.ч. местоимения или имени, определения/приложения к imin. Основа Zi — может быть рефлексом и.-е. *d(e)i-^o- 'бог', ср. ст.-фриг. devo-, и, возможно, di в N-116 (хотя не исключено, что это грецизм Δι). Особое отражение и.-е. *d перед *i/i характерно для многих языков балкано-малоазийского круга, ср. хет. siu- 'бог' <*diu-, лик. zi(w) — 'бог' и др. Последовательность imin Zin 'иман бога', где Zin приложение к первому слову, оказывается в этом случае параллельной imin iptin 'иман-Ипту' (оба раза — вин. пад.).

Ситовская надпись имеет отчетливо выраженную метрическую структуру. Она распадается на две части (граница между которыми отмечена интерпункцией), каждая по 15 слогов, а в пределах каждой части (условно — А и В) — на две метрические строки, содержащие соответственно 9+6 (А) и 8+7 (В) слогов. Метрический рисунок текста можно представить следующим образом:

(A)	1	ei vixusin vixu iptiu	u u u u u u u u u
	2	imin iptin sai	u u u u u
(B)	1	ku ioi 8axiu eis	u u u u u u u u
	2	imin Zin uixusi	u u u u u u u u ²⁰

¹⁸ Detschew D. Die trakischen Sprachreste (2). Wien, 1976. S. 167. ff.

¹⁹ Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981. С. 76 слл.

²⁰ Не исключено, что использование знака u, передающего гласный, в форме uixusi (ср. uixusin в А 1) не случайно и служит для восстановления недостающего слога.

Метрическая структура рассматриваемого текста представляет интерес в свете реконструкции индоевропейских стихотворных размеров, среди которых достаточно распространены восьмисложники (для строк с четным количеством слогов) и девятисложники²¹. В то же время очевидно метрическое своеобразие Ситовской надписи, в которой сохранено равновесие слогов между двумя ее частями, но при этом их распределение по строкам варьирует. Определение Ситовской надписи как метрической поддерживается и многочисленными аллитерациями и повторами типа *vixu-vixu*, преобладанием ударных *i* и др. Обращает на себя внимание и рамочное оформление надписи: одна и та же глагольная форма начинает текст и завершает его.

Результаты проведенного выше лексико-грамматического анализа текста хорошо согласуются с выводами относительно его метрической структуры. Две равносложные части текста соответствуют двум взаимосвязанным темам высказывания. Смысловый центр первой части — богиня Ипта, второй — бог Ваки. Обе части надписи построены перекрестно, что обеспечивается постановкой глагола *v/vixusi(n)* в начале первой части и в конце второй и благодаря чему достигается большая выразительность и ритмическая завершенность текста.

Не настаивая на том, что предлагаемый ниже вариант перевода является единственно возможным — как и в любом подобном случае, выбор из имевшихся в нашем распоряжении этимологических ассоциаций можно считать достаточно субъективным — тем не менее находим целесообразным привести его в качестве одного из вероятных толкований надписи. Как будет показано ниже, в плане семантической структуры он находит соответствия в фригийском материале.

(А) Если создадут образ Ипты в виде имана Ипты для нее (ср. богини),

(В) (то когда) кто (-то) для него (ср. бога) (некто) Вахвово сделал, иман бога (=Вахва) создадут.

Текст удивительным образом перекликается со старофригийской надписью на каменной плите из Вифинии В-03 (VI в. до н.э.), в которой говорится следующее: 'Если кто-либо для Справедливой (=Богини-матери, Кибелы) какой-нибудь памятник поставит, для Справедливого (=бога) часть/долю пусть...' (см. подробно Баюн, Орел. ВДИ. 1988. № 1. С. 188).

С лингвистической точки зрения язык Ситовской надписи может быть определен как фригийский диалект. Этот вывод подтверждается относительно большим количеством общей лексики (*imin* ~ ст.-фриг. *iman*, н.-фриг. *цон* 'культульный предмет'; *sai* ~ н.-фриг. *сai* 'этой; ей'; *ioi* ~ ст.-фриг. *уoi*, н.-фриг. *ioi* 'ему; которому'; *ei* ~ ст.-фриг. *ai*, *ae*, н.-фриг. *ai*, *ei* 'если; вот, же'; *eis* ~ ст.-фриг. *ais* 'сделал; посвятил'), специфическими фригийскими синтаксическими структурами, в частности, порядком слов²², а также некоторыми фонетическими деталями (ср. ассимиляцию звонкого дентала перед главными переднего ряда)²³. С другой стороны, некоторые фонетические особенности надписи характерны главным образом для западнофригийских диалектов: (1) спондантизация интервокального глухого заднеязычного согласного (-k- > -x- ср. ст.-фриг. *daVet* 'он установит'); (2) ассимиляция *t* перед *i* (*t > s*), ср. развитие -*ti* > -*s* в надписи из Уючика (см. выше). Учитывая палеографические особенности и фонетическое своеобразие (спондантизацию велярных, редукцию безударных гласных) Ситовской надписи, она может быть предположительно помещена в период между III и I вв. до н.э.

Обнаружение надписи фригийского типа, восходящей, судя по всему, к

²¹ West M.L. Indo-European metre//Glotta. 1973. 51. P. 164 ff.

²² Мы уже отмечали в другой работе, что фригийский синтаксис отличается поразительной устойчивостью в пространстве и времени, сохраняя на протяжении ряда веков на всей территории своего распространения одни и те же синтаксические структуры и особенности их функционирования (Баюн Л.С., Орел В.Э. Фригийский язык. М., 1991. Гл. IV).

²³ См. об этом Баюн. Орел //ВДИ. 1988. № 1. С. 188.

последним векам I тыс. до н.э., на территории исторической Фракии, совершенно очевидно, должно в определенной степени изменить наши представления о ранних этапах культурной истории балканских народов. Если полиэтничный характер древнего населения северо-востока Балкан в принципе не вызывает сомнений²⁴, то конкретная этноязыковая идентификация ряда народов, упоминаемых древними авторами, обычно наталкивается на отсутствие соотносимого с этими народами оригинального языкового материала. Ситовская надпись предоставляет уникальное (хотя, возможно, не единственное) доказательство присутствия фригийского языка на Балканах в конце I тыс. до н.э., а также наличия там культов, объединяющих малоазийские и древнебалканские черты.

На основе новейших публикаций и исследований более определенно вырисовываются контуры фригийского ареала, куда входили территории распространения старо- и новфригийской эпиграфики²⁵, часть западной Малой Азии (Phrygia Epictetus), где обнаружена фригийская («псевдомизийская») надпись, а также северо-восток Балкан, где пока найден один фригийский эпиграфический памятник. Вероятно, среди эпихорических надписей Самофракии²⁶ также есть фригийские, хотя степень их сохранности удерживает от категорических заключений. Дж. Бофанте уже обращал внимание на форму beka (№ 40), которая неотделима от н.-фриг. βεκος 'хлеб'. Форма arkaie (№ 30) также имеет греческие и фригийские параллели. Все это приводит к мысли о существовании обширной зоны распространения фригийских диалектов, включавшей часть Анатолии с почти не прерывавшейся фригийской письменной традицией VIII—IV вв. до н.э. — I—III вв. н.э., Самофракию (VI—III вв. до н.э.) и области на северо-востоке Балкан (Ситовская надпись — III—I вв. до н.э.). Неоднократно отмечавшееся историко-географическое единство этого региона²⁷, как нам представляется, поддерживалось и этноязыковой близостью, сохранявшейся на протяжении тысячелетий.

Л.С. Баюн, В.Э. Орел

LINGUISTIC AND CULTURAL-HISTORICAL INTERPRETATION OF THE SITOVO INSCRIPTION

L.S. Bayun, V.E. Orel

The inscription on the rock near the village of Sitovo in the Rhodopes (Bulgaria) which has been considered a fake is viewed by the authors of the article as genuine. Its resemblance to rock inscriptions from historical Phrygia in Asia Minor is pointed out. The lexico-grammatical analysis enables the authors to determine the language of the inscription: it is composed in one of the Phrygian dialects. The structure of the text, mentioning names of two deities, speaks of its metric character. Palaeographic and phonetic peculiarities point to the possible date of this epigraphic monument: the 3rd - 1st centuries B.C.

²⁴ См., в частности, *Georgiev VI. Introduction to the History of the Indo-European Languages. Sofia, 1981. P. 108 ff.*

²⁵ *Haas O. Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia, 1966. S. 60 ff., 172 ff.*

²⁶ *Lehmann W. 1955.*

²⁷ Ср. *Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV—III тысячелетий до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 7 слл.*